

Baudelaire, Charles Pierre

Tsviety zla

841.79

B338FMT

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

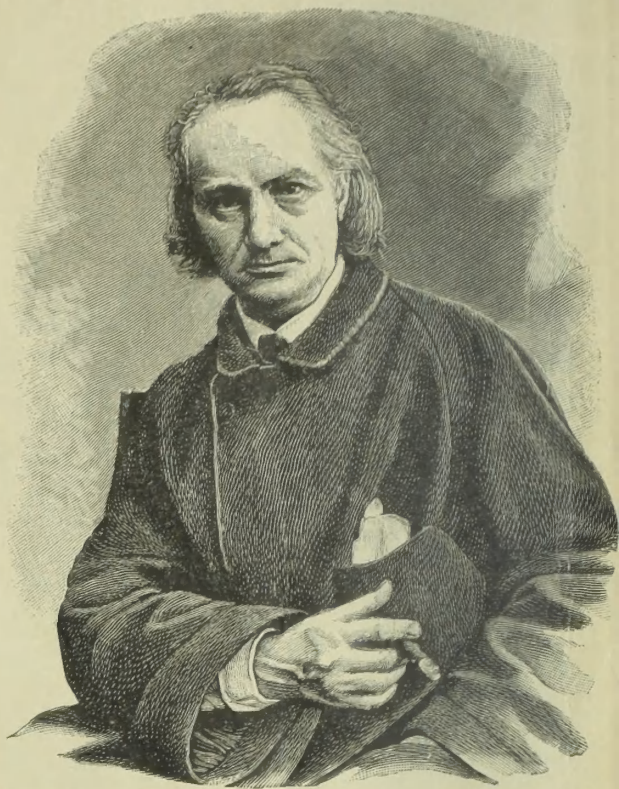
39/8
ШАРЛЬ БОДЛЭРЪ

ЦВѢТЫ ЗЛА

ПЕТЕРБУРГЪ.
1919.

~~Amica vera~~

ШАРЛЬ БОДЛЭРЬ.

Baudelaire, Charles Pierre

Шарль Бодлэръ.

Flowers of Evil

ЦВѢТЫ ЗЛА.

ИЗБРАННЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

— въ переводахъ русскихъ поэтовъ. —

Учебное пособие по иностранной литературѣ.

СПБ.

Издавіе

1912.

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПБ.
7-ая рота, 26.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

иностранныхъ поэтовъ

въ изданіи „Всеобщей Библіотеки“

по 10 коп.

Байронъ.—№ 70.

Бодлэръ.—№ 119.

Верлэнъ.—№ 118.

Гюго.—№ 3.

Конопницкая.—№ 117.

Ленау.—№ 90.

Шиллеръ.—№ 35.

Шарль Бодлэръ. Маленькія поэмы въ прозѣ.
№ 66, 67.—20 к.

Т. Готье. Шарль Бодлэръ. Біографія-характеристика.
№ 80.—10 к.

84.79
B 333 FMT

ШАРЛЬ БОДЛЭРЪ.

1821—1867.

Съ пролетной тучкой весело болтаетъ,
Играетъ съ вѣтромъ, съ птичкой полевой
И съ ней поетъ... И съ грустью наблюдаетъ
Хранитель-ангелъ смѣхъ его живой!

Онъ весь — любовь!.. Но холодъ подозрѣнья
Идетъ за нимъ: за то, что кротокъ онъ,
Ему дарятъ обиды и гоненья, —
Такъ любо всѣмъ его подслушать стонъ!

Въ его вино и хлѣбъ его мѣшаютъ
Плевки съ золой; и все, чего рукой
Коснется онъ, брезгливо отвергають, —
Его слѣды обходятъ стороной.

Его жена на площадяхъ публичныхъ
Не устаетъ хвастливо говорить:
„Онъ дышетъ мной! Я идоловъ античныхъ
Хочу собой для міра воскресить!

Вся въ золото одѣнусь; благовонный
Заставлю нарѣчь мнѣ жечь и ѳиміамъ;
Въ его душѣ колѣнопреклоненной,
Какъ божеству, себѣ воздвигну храмъ.

А, утомясь кощунственной забавой,
Я коготь свой безумцу покажу
И, въ грудь вонзивъ, со смѣхомъ путь кровавый,
Какъ гарпія, до сердца проложу.

И это сердце розовое выну,
Какъ изъ гнѣзда дрожащаго птенца,
И на обѣдъ любимой кошкѣ кину
И трепетомъ упыюсь его конца.“

Въ ночной тиши Поэтъ благочестивый
Лучистый взоръ возводитъ къ небесамъ,
И свѣтъ горитъ въ его душѣ правдивой,
Прощенья свѣтъ неистовымъ врагамъ:

— „Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ!
Какъ сталь въ огнѣ, въ горнилѣ испытанья
Нашъ крѣпнетъ духъ для радостей святыхъ.

Я знаю: тамъ, гдѣ Ты царишь, блистая,
Есть уголокъ и для моихъ скорбей,
И позовешь меня Ты въ кущи рая
На праздникъ Силь, Престоловъ ■ Властей.

Онъ правъ, Твой судъ! Даетъ вѣнецъ нетлѣнный
Лишь путь креста, мученій и тревогъ,
И дань нужна со всѣхъ міровъ вселенной,
Чтобъ мой сплести мистическій вѣнокъ!

Забытый блескъ прославленной Пальмиры,
Богатства горъ ■ глубины морей,
Всѣ перлы ихъ, алмазы и сапфиры
Потонутъ вмигъ въ огнѣ его лучей!

Онъ будетъ свить не смертными руками
Изъ чистыхъ струй не здѣшняго огня,
Того огня, передъ которымъ пламя
Людскихъ очей — лампада въ блескъ дня!“

Во время плаванья, когда толпѣ матросовъ
Случается поймать надъ бездною морей
Огромныхъ, бѣлыхъ птицъ, могучихъ альбатросовъ,
Безпечныхъ спутниковъ отважныхъ кораблей, —

На доски ихъ кладутъ: и вотъ, изнемогая,
Трусливъ и неуклюжъ, какъ два большихъ весла
Влачить недавній царь заоблачнаго края
По грязной палубѣ два трепетныхъ крыла.

Лазури гордый сынъ, что бури обгоняетъ,
Онъ сталъ уродливымъ и жалкимъ, и смѣшнымъ,
Зажженной трубкою матросъ его пугаетъ
И дразнить съ хохотомъ, прикинувшись хромымъ.

Поэтъ, какъ альбатросъ: отважно, безъ усилія
Пока онъ — въ небесахъ, витаетъ въ бурной мглѣ,
Но исполинскія, невидимыя крылья
Въ толпѣ ему ходить мѣшаютъ по землѣ.

Полетъ.

Высоко надъ водой, высоко надъ лугами,
Горами, тучами и волнами морей,
Надъ горней сферой звѣздъ и солнечныхъ лучей
Мой духъ, эфирныхъ волнъ не скованъ берегами, —

Какъ обмирающій на гребняхъ волнъ пловецъ,
Мой духъ возносится къ мірамъ необозримымъ;
Восторгомъ схваченный никѣмъ невыразимымъ,
Безбрежность бороздитъ онъ изъ конца въ конецъ.

Покинь земной туманъ нечистый, ядовитый;
Эфиромъ горнихъ странъ очищенъ и согрѣтъ,
Какъ нектаръ огненный, впивай небесный свѣтъ,
Въ пространствахъ безъ конца таинственно разлитый.

Отягощенную туманомъ бытія,
Страну унынія и скорби необъятной
Покинь, чтобъ взмахомъ крыль умчаться безвозвратно
Въ поля блаженныя, въ небесные края!..

Блаженъ лишь тотъ, чья мысль, окрылена зарею,
Свободной птицею стремится въ небеса, —
Кто внялъ цвѣтовъ и травъ нѣмые голоса,
Чей духъ возносится высоко надъ землею!

Природа — дивный храмъ, гдѣ рядъ живыхъ колоннъ
 О чемъ то шепчется невнятными словами ;
 Лѣсь темный символовъ знакомыми очами
 На проходящаго глядитъ со всѣхъ сторонъ.

Какъ эхо дальняго стозвучные раскаты
 Волною смѣшанной въ ущельяхъ горъ плывутъ,
 Такъ голоса другъ другу подаютъ
 Всѣ тоны на землѣ, цвѣта и ароматы.

Есть много запаховъ здоровыхъ, молодыхъ,
 Какъ тѣло дѣтское ; какъ звуки флейты, нѣжныхъ ;
 Зеленыхъ, какъ луга . . . И много есть иныхъ,

Нахально-блещущихъ, развратныхъ и мятежныхъ !
 Такъ амбра съ мускусомъ, и ладанъ, и бензой
 Поютъ экстазы чувствъ и бодрыхъ силъ прибой.

Я мысленно живу прошедшими вѣками,
 Когда румяный Фебъ влюбленными лучами
 Живыя статуи повсюду золотилъ;
 Когда, кипя огнемъ нерасточенныхъ силъ,
 Мужчина съ женщиной безъ робости притворной
 Вкушали радостей напитковъ животворный.
 Въ тѣ дни Природа-мать въ дарахъ любви своей
 Не мачихой была для собственныхъ дѣтей,
 Но, сердцемъ нѣжная волчица Квиринала,
 Сосцами смуглыми вселенную питала.
 По мышцамъ Геркулесь, по виду Антиной,
 Мужчина вправѣ былъ гордиться красотой
 Богоподобныхъ дѣвъ, его царемъ признавшихъ, —
 Плодовъ гранатовыхъ, уста невольню звавшихъ...

Теперь, когда поэтъ приходитъ въ тѣ мѣста,
 Гдѣ прежней дерзостью блистаетъ нагота,
 И думаетъ былой упиться красотой, —
 Онъ содрогается отъ ужаса душою
 Предъ полной холода картиной новыхъ дней...
 О, куклы мертвыя, пародіи людей!
 О, торсы жалкіе, достойные корсета!
 Брюха отвислыя, боящіяся свѣта,
 Носящія въ крови весь темный ядъ вѣковъ,
 Пороки матерей и гнусности отцовъ!

То правда: у эпохъ изнѣженныхъ разврата
 Есть виды красоты, невѣдомой когда-то, —
 Печать сердечныхъ язвъ на молодыхъ чертахъ
 И прелесть томности мечтательной въ очахъ.
 Но эти выдумки поэтовъ запоздалыхъ
 Не осчастливили народовъ захудалыхъ, —
 И мы завидуемъ съ мучительной тоской
 Далекой юности, наивной и святой,
 Той свѣтлой юности, простой и непорочной,
 Со взоромъ голубымъ яснѣй воды проточной;
 Богатой пѣснями, безпечной, какъ цвѣты,
 Струившей ароматъ любви и красоты!..

Рѣка забвенія, садъ лѣни, плоть живая, —
 О Рубенсъ, — страстная подушка бредныхъ нѣгъ,
 Гдѣ кровь, біясь, бѣжитъ, безсмѣнно приливая,
 Какъ воздухъ, какъ въ моряхъ морей подводныхъ
 бѣгъ ;

О Винчи, — зеркало, въ чьемъ омутѣ бездонномъ
 Мерцають ангелы, улыбчиво — нѣжны,
 Лучомъ безгласныхъ тайнъ, въ затворѣ, огражденномъ
 Зубцами горныхъ льдовъ и сумрачной сосны !

Больница скорбная, исполненная стономъ, —
 Распятые на стѣнѣ страдальческой тюрьмы, —
 Рембрандтъ !.. Тамъ молятся на гноищѣ зловонномъ,
 Во мглѣ, пронизанной косымъ лучомъ зимы . . .

О Анджело ! — предѣлъ, гдѣ въ сумеркахъ смѣсились
 Гераклы и Христы !.. Тамъ, облакъ гробовой
 Стряхая, сонмы тѣлъ подъемлются, вонзились
 Перстами цѣпкими въ раздранный саванъ свой . . .

Бойцовъ кулачныхъ злость, сатира позывъ дикій,
 Ты, знавшій красоту въ ихъ звѣрскомъ мятежѣ,
 О, сердце гордое, больной и блѣдноликій
 Царь каторги, скотства и похоти — Пюже !

Ватто, — вихрь легкихъ душъ, въ забвеньи
 карнавальномъ
 Блуждающихъ, горя, какъ мотыльковый рой, —
 Заль свѣжесть свѣтлая, — блескъ люстръ, — въ
 круженьи бальномъ
 Миръ околдованный порхающей игрой !..

На гнусномъ шабашѣ то люди или духи
Варятъ исторгнутыхъ изъ матери дѣтей?
Твой, Гойа, тотъ кошмаръ,—тѣ съ зеркаломъ старухи,
Тѣ сборы дѣвочекъ нагихъ на балъ чертей!..

Вотъ крови озеро; его влюбилъ бѣсы;
Къ нему склонила ель зеленый сонъ рѣсниць:
Делакруа!.. Мрачны небесныя завѣсы;
Отгуломъ мѣди въ нихъ не отзвучалъ Фрейшицъ...

Весь сей экстазъ молитвъ, хваленій и веселій,
Проклятій, ропота, богохуленій, слезъ —
Живъ эхомъ въ тысячѣ глубокихъ подземелій;
Онъ сердцу смертнаго божественный наркозъ!

Тысячекратный зовъ, на смѣнахъ повторенный;
Сигналь, разсыпанный изъ тысячи рожковъ;
Надъ тысячью твердынь маякъ воспламененный;
Изъ пущи темный зыкъ потерянныхъ ловцовъ!

По-истинѣ, Господь, вотъ за Твои созданья
Порука вѣрная отъ царственныхъ людей:
Сии горящія, немолчныя рыданья,
Прибой вѣковъ къ брегамъ предвѣчности Твоей!

О муза нищая, влюбленная въ чертоги!
Когда Январь опять освободить Борей,
Въ тѣ черные часы безрадостныхъ ночей,
Чѣмъ посинѣвшія свои согрѣешь ноги?

Вѣдь мраморъ плечъ твоихъ опять не оживетъ
Отъ свѣта поздняго, что бросить ставень тѣсный;
Въ твой кошелекъ пустой и въ твой чертогъ чудесный
Не бросить золота лазурный небосводъ!

За хлѣбъ засушенный свой ты пѣть должна — и пой
Те deum; такъ дитя, не вѣря въ гимнъ святой,
Поетъ, на блескъ святыхъ камильницъ улыбаясь...

Нѣтъ... лучше, какъ паяцъ, себя толпѣ отдай
И смѣйся, тайными слезами обливаясь,
И печень жирную у черни усладдай.

Плохой монахъ.

На каменныхъ стѣнахъ святыхъ монастырей
Въ картинахъ Истину монахи раскрывали ;
Святые символы любовью согрѣвали
Сердца, остывшія у строгихъ алтарей.

Въ нашъ вѣкъ забытые, великіе аскеты
Въ вѣка, цвѣтушіе похѣвами Христа,
Сскрыли въ склепный мракъ священные обѣты
И прославляли Смерть ихъ строгія уста !

— Монахъ отверженный, въ своей душѣ, какъ въ
склепѣ,

Отъ вѣка я одинъ скитаньямъ обреченъ,
Встрѣчая пустоту и мракъ со всѣхъ сторонъ ;

О нерадивый духъ ! — воспрянь, расторгни цѣпи,
Презри безсиліе. унынье ■ позоръ ;
Трудись безъ устали, зажги любовью взоръ.

Моей обителью былъ царственный затворъ.
 Какъ гротъ базальтовый, толпился лѣсъ великій
 Столповъ, по чьимъ стволамъ живые искриль блики
 Сверкающихъ морей побѣдный кругозоръ.

Въ катящихся валахъ, всѣхъ славъ вечернихъ лики
 Ко мнѣ влачилъ прибой, и пѣлъ, какъ мощный хоръ
 Сливались радуги, слѣпившія мой взоръ,
 Съ великолѣпіемъ таинственной музыки.

Тамъ годы долгіе я въ нѣгахъ изнывалъ, —
 Лазури солнць и волнъ на повседневномъ пирѣ.
 И сонмъ невольниковъ нагихъ, омытыхъ въ миррѣ,

Вай легкимъ вѣяньемъ чело мнѣ овѣвалъ, —
 И разгадать не могъ той тайны, коей жало,
 Сжигало мысль мою и плоть уничтожало.

Человѣкъ и море.

Свободный человѣкъ, не въ морѣ ли безбрежномъ
Подобіе твое ? Могучихъ волнъ прибой
Сродни душѣ твоей, и въ разумѣ мятежномъ
Не меньше горечи, чѣмъ въ безднѣ голубой.

Обнять стремишься ты, и взоромъ, и руками,
Съ подобіемъ твоимъ сливаться ты привыкъ,
И, убаюканный шумящими волнами,
Стихаетъ иногда душевной боли крикъ.

Замкнулись оба вы въ самихъ себѣ сурово,
И не откроете завѣтныхъ тайнъ во вѣкъ :
Кто знаетъ скрытыя богатства дна морского ?
Кто глубину твою измѣрилъ, человѣкъ ?

Вѣками цѣлыми вы, не щадя усилій,
Другъ съ другомъ боретесь за старые долги,
Такъ жажда въ васъ сильна и смерти, и насилій,
О, братья кровные, о, грозные враги !

Лишь оболъ свой Харону швырнулъ на колѣна
Донъ-Жуанъ и къ подземной волнѣ подступилъ, —
Мрачный нищій, съ надменнымъ лицомъ Антисфена,
Весла гнѣвной рукою схватилъ.

Позади же, подъ черными сводами ада,
Рои женщинъ, отвисшія груди раскрывъ,
Точно жертвъ принесенныхъ огромное стадо,
Повторяли къ отмщенью призывъ.

Станарелло насмѣшливо требовалъ платы ;
Тамъ Донъ-Людвигъ указывалъ дряхлой рукой
На сѣдины свои, что не врагъ заклятый —
Сынъ, увы, опозорилъ родной !

Пряча въ трауръ свой станъ цѣломудренно-гибкій,
Здѣсь Эльвира глядитъ ему нѣжно во слѣдъ,
Будто молить отвѣтить послѣдней улыбкой,
Полной сладости первыхъ бесѣдъ.

Человѣкъ изъ гранита, съ броней желѣзной,
Надъ рулемъ возвышаясь, боролся съ волной...
Но, склонясь на рапиру, за пѣнистой бездной
Равнодушно слѣдилъ безмятежный герой!

О смертный! Какъ мечта изъ камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всѣхъ погубить чередой,
Сердца художниковъ томить любовью властно,
Подобной веществу, предвѣчной и нѣмой.

Въ лазури царствую я сфинксомъ непостижнымъ,
Какъ лебедь, я бѣла и холодна, какъ снѣгъ,
Презрѣвъ движеніе, люблюсь неподвижнымъ.
Вовѣкъ я не смѣюсь, не плачу я вовѣкъ.

Я—строгий образецъ для гордыхъ изваяній,
И, съ тщетной жаждою насытить гладь мечтаній,
Поэты предо мной склоняются во прахъ.

Но ихъ ко мнѣ влечетъ, покорныхъ и влюбленныхъ,
Сіянье вѣчности въ моихъ глазахъ безсонныхъ,
Гдѣ все прекраснѣе, какъ въ чистыхъ зеркалахъ.

Въ оны дни, какъ природа въ капризности думъ,
 вдохновенно
 Каждый день зачинала чудовищность мощныхъ
 породъ,
 Полюбилъ бы я жить возлѣ юной гигантши безсмѣнно
 Какъ у ногъ королевы ласкательно-вкрадчивый котъ

 Я любилъ бы глядѣть, какъ съ душой ея плоть
 расцвѣтаетъ,
 И свободно ростеть въ ужасающихъ играхъ ея;
 Заглянувъ, угадать, что за мрачное пламя блистаетъ
 Въ этихъ влажныхъ глазахъ, гдѣ, какъ дымка, встаетъ
 забытье.

Пробѣгать на досугъ всю пышность ея очертаній,
 Проползать по уклону ея исполинскихъ колѣнъ,
 А порой въ лѣтній зной, въ часъ какъ солнце
 дурманомъ дыханій

На равнину повергнетъ ее, точно взятую въ плѣнъ
 Я въ тѣни ея пышныхъ грудей задремаль бы, мечтаю
 Какъ у склона горы деревушка ютится глухая.

имнѣ красотѣ.

кажи, откуда ты приходишь, Красота?
вой взоръ — лазурь небесъ или порожденье ада?
ы, какъ вино, пьянишь прильнувшія уста,
авно ты радости и козни съять рада.

аря и гаснущій закатъ въ твоихъ глазахъ,
ы ароматъ струишь, какъ будто вечеръ бурный;
ероемъ отрокъ сталъ, великій палъ во прахъ,
пившись губъ твоихъ чаруюшею урной.

рислалъ ли адъ тебя иль звѣздные края?
вой Демонъ, словно песь, съ тобою неотступно;
егда таинственна, безмолвна власть твоя,
все въ тебѣ—восторгъ, и все въ тебѣ преступно!

ь усмѣшкой гордою идешь по трупамъ ты,
лмазы ужаса струять свой блескъ жестокой,
ы носишь съ гордостью преступныя мечты
а животъ своемъ, какъ звонкіе брелоки.

отъ мотылекъ, тобой мгновенно ослѣпленъ,
етить къ тебѣ — горить, тебя благословляя;
юбовникъ трепетный, съ возлюбленной сплетень,
акъ съ гробомъ блѣдный трупъ, сливается, сгнивая.

удь ты дитя небесъ иль порожденье ада,
уть ты чудовище иль чистая мечта,
ь тебѣ безвѣстная, ужасная отрада!
ы отверзаешь намъ къ безбрежности врата.

ы Богъ иль Сатана? Ты ангелъ иль Сирена?
е все ль равно: лишь ты, царица Красота,
свобождаетъ мѣръ отъ тягостнаго плѣна,
лешь благовонія и звуки и цвѣта!

Когда, смеживъ глаза, на грудь твою склоненный
 Твой знойный ароматъ вливаю жадно я,
 Миѣ снова грезятся блаженные края :
 Вотъ — монотонными лучами ослѣпленный,

Спать островъ, въ полусонѣ лѣниво погруженный
 Деревъ причудливо — сплетенная семья,
 Гдѣ крѣпнеть строй мужей, избытокъ силъ струя,
 Гдѣ взоры смѣлыхъ женъ я вижу, изумленный.

Мой духъ уносить твой волшебный ароматъ
 Туда, гдѣ мачтъ лѣса валовъ колышетъ рядъ,
 Изнемогающій отъ качки безпокойной,

Гдѣ тамариндъ струить далеко запахъ свой,
 Гдѣ онъ разносится пьянящею волной
 И сочетается съ напѣвомъ пѣсни стройной.

Беззаботно-прекрасная ты
Съ искушающимъ тѣломъ, —
Словно отсвѣты дальней звѣзды
Вьются блики на немъ, смугло-бѣломъ.

По бездонной пучинѣ волось,
Ароматами полной,
По морямъ, льющимъ запахи розъ,
Черезъ темныя волны,

Какъ корабль, пробужденный отъ сна
Подъ дыханіемъ Феба —
Духъ мой взвился, поднявъ якоря
Для далекаго неба.

Взоръ твой ровный молчить. Не горить
Онъ ни лаской, ни томной печалью, —
Драгоценность холодная — слить
Въ немъ блескъ золота съ темною сталью.

Кто на танецъ твой плавный глядитъ,
Истомленный и зыбкій —
„Это танецъ змѣи — говоритъ —
„Это змѣйка надъ палкою гибкой“.

Твоя нѣжная лѣнь тяжела :
Но головка ребенка
Въ мѣрномъ танцѣ проста ■ мила,
Какъ движенья слоненка ;

Изгибается плавно твой станъ, —
Словно лодка, что, пѣну взрывая
И качаясь, плыветъ въ океанъ,
Свои реи въ водѣ омывая.

Какъ волна, что дрожить и кипить,
Рождена ледниками,
Лишь краса твоихъ губъ заблестить
Бѣлоснѣжно зубами —

Мнится, мнится мнѣ, пью я вино,
Въ немъ, побѣдномъ, и горечь порою . . .
Небо темное — сѣетъ оно
Въ сердце звѣздные рои.

Было ясное утро. Подъ музыку нѣжныхъ рѣчей
Цли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
И вдругъ, вы вскрикнули громко: на ложѣ изъ жесткихъ
камней

Безобразная падаль валялась...

Какъ безстыдная женщина, нагло впередь
Обнаженные ноги она выставляла,
Открывая цинично зеленый животъ,
И отравой дышать заставляла...

То, какъ будто на розу, на остовъ гнилой
Себо ясно глядѣло, привѣтно синѣя!
Только мы были хмуры, и вы, ангель мой,
Чуть стояли, дрожа и блѣднѣя.

Тои мошекъ кружились вблизи и вдали,
Неприятнымъ жужжаньемъ нашъ слухъ поражая;
Вдоль доскутьевъ гнилыхъ, извиваясь, ползли
И текли, какъ похлебка густая,

Батальоны червей... Точно въ морѣ волна,
Та черная масса то внизъ опадала,
То вздымалась тихонько: какъ будто она
Еще жизнию смутной дышала.

И неслась надъ ней музыка странная... Такъ
Верна хлѣба шумять, когда вѣтра стремленьемъ
Ихъ несетъ по гумну; такъ сбѣгаетъ въ оврагъ
Говорливый ручей по каменьямъ.

Формы тѣла давно уже были мечтой,
Походя на эскизь, торопливо и блѣдно
На бумагу набросанный чьей то рукой
И закинутый въ уголъ безслѣдно.

Изъ за груди каменьевъ на смрадный скелеть
Собачонка глядѣла, сверкая глазами
И какъ будто смакуя роскошный обѣдъ,
Такъ не во-время прерванный нами...

Но, однако, и вамъ этотъ жребій грозить —
Быть такимъ же гнилымъ, отвратительнымъ соромъ
Вамъ, мой ангель, съ горячимъ румянцемъ ланитъ
Съ вашимъ кротко мерцающимъ взоромъ!

Да, любовь моя, да, мое солнце! Увы,
Тѣмъ же будете вы... Въ видѣ столь же позорно
Послѣ таинствъ послѣднихъ, уляжетесь вы
Средь костей, подъ цвѣтами и дерномъ.

Такъ скажите-жь червямъ, — какъ сползутся они
Ваши ѣсть поцѣлуи на тризнѣ ужасной, —
Что я душу сберегъ моей мертвой любви,
Образъ пери нетлѣнно-прекрасный!

Сверкая властно и злорадно,
Какъ острой стали лезвіе,
Ты въ сердце жалкое мое
Вошла, безумна и нарядна!

И тронъ, и ложе для себя
Нашла въ душѣ моей безсильной...
О ты, съ кѣмъ до черты могильной
Какъ цѣпью скованъ я, любя.

Какъ горькій пьяница съ бутылкой,
Какъ трупъ съ червями, какъ съ игрой
Игрокъ отчаянный и пылкій, —
Будь проклять, проклять демонъ злой!

Я звалъ кинжалъ на призракъ темный,
Чтобъ онъ разбилъ мою тюрьму,
Молилъ и ядъ, чтобъ, вѣроломный,
Помогъ безсилью моему;

Но, отвергая всѣ моленья
Они глумились надо мной:
„Томись въ неволѣ, рабъ слѣпой,
Ты недостоинъ сожалѣнья!

„Когда-бъ вампира твоего,
Безумецъ, поразить могли мы, —
Ты поцѣлуями живыми
Вновь оживилъ бы трупъ его“.

Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ,
 Всѣ мои восторги! весь призывъ мечты!
 Ты вспомнишь чары ласкъ и сновъ безбрежныхъ
 Прелесть вечеровъ и кроткой темноты.
 Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ.

Вечера при свѣтѣ угля золотого,
 Вечеръ на балконѣ, розоватый дымъ.
 Нѣжность этой груди! существа родного!
 Незабвенность словъ, чей смыслъ неистребимъ,
 Въ вечера при свѣтѣ угля золотого.

Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.
 Какъ глубоко небо! въ сердцѣ сколько струнъ!
 О, царица нѣжныхъ, озаренный свѣтомъ,
 Кровь твою вдыхалъ я, весь съ тобой, и юнъ.
 Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.

Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною,
 Я во тьмѣ твои угадывалъ зрачки,
 Пилъ твое дыханье, ты владѣла мною,
 Ногъ твоихъ касался братскостью руки.
 Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною.

Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый,
 Прошлое ■ вижу возлѣ ногъ твоихъ.
 Гдѣ жъ искать я буду нѣги горделивой,
 Какъ не въ этомъ тѣлѣ, въ чарахъ ласкъ твоихъ?
 Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый.

Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи,
 Суждено-ль имъ встать изъ безднъ, запретныхъ на
 Какъ восходятъ солнца, скрывшись на ночь въ стр
 Ликомъ освѣженнымъ вновь свѣтитъ морямъ?
 — Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи.

ангелъ радости, когда-нибудь страдали?
ка, унынье, стыдъ терзали вашу грудь?
ночью блѣдный страхъ... хоть разъ когда-нибудь
ималъ ли сердце вамъ въ тискахъ холодной стали?
ангелъ радости, когда-нибудь страдали?

ангелъ кротости, знакомы съ тайной злостью?
отравой жгучихъ слезъ и яростью безъ силъ?
вамъ приводила ночь нѣмая изъ могилъ
тѣ, эту черную назойливую гостью?
ангелъ кротости, знакомы съ тайной злостью?

ангелъ свѣжести, томила лихорадка?
въ лѣтнимъ вечеромъ, на солнцѣ у больницъ
глаза бросались-ли тѣ пятна желтыхъ лицъ,
синихъ губъ дрожить мучительная складка?
ангелъ свѣжести, томила лихорадка?

ангелъ прелести, теряли счетъ морщинамъ?
годы старости ужъ леденили васъ?
въ нѣжной глубинѣ влюбленно-синихъ глазъ,
не читали снисхожденія къ сѣдинамъ?
ангелъ прелести, теряли счетъ морщинамъ?

ангелъ счастья, и радости, и свѣта!
зама нѣжныхъ ласкъ и пламени ланить
прошу у васъ, какъ зябнущій Давидъ...
если можете, молитесь за поэта,
ангелъ счастья, и радости, и свѣта!

О, незабвенный мигъ! То было только разъ:
 Ты на руку мою своей рукой учтивой
 Вдругъ такъ довѣрчиво, такъ нѣжно оперлась,
 Надолго озаривъ мой сумракъ сиротливый.

Тогда былъ поздній часъ; какъ новая медаль
 Былъ полный дискъ луны во мракѣ отчеканенъ,
 И ночь торжественной рѣкой катилась вдаль;
 Вкругъ мирно спалъ Парижъ, и звукъ шаговъ б
 страненъ

Вдоль дремлющихъ домовъ, въ полночной тиши
 Лишь кошки робкія, насторожась, шныряли,
 Какъ тѣни милыя, бродили при лунѣ
 И провожая насъ, шагъ легкій умѣряли.

Вдругъ близость странная межъ нами расцвѣла,
 Какъ призрачный цвѣтокъ, что выросъ въ блѣдн
 свѣт

И ты, чья молодость въ своемъ живомъ расцвѣтѣ
 Лишь пышнымъ праздникомъ и радостью была,

Ты, свѣтлый звонъ трубы, въ лучахъ зари гремящ
 Въ мигъ странной близости, возникшей при лун
 Вдругъ нотой жалостной, невѣрной и кричащей,
 Какъ бы непрошенной, пронзила сердце мнѣ.

Та нота вырвалась ■ дико ■ нелѣпо,
 Какъ исковерканный, беспомощный уродъ,
 Зброшенный семьей навѣкъ во мракъ склепа
 И вдругъ покинувшій подземный, тайный сводъ.

нота горькая, мой ангелъ бѣдный, пѣла:
какъ все невѣрно здѣсь, гдѣ смертью все грозитъ!
какъ изъ подъ румянъ, поддѣланныхъ умѣло,
ишь безсердечіе холодное сквозить!

вой трудъ танцовщицы и скучный и банальный
егда готова я безумно клясть, какъ зло;
лѣнять сердца людей улыбкой машинальной
быть красавицей — плохое ремесло.

возможно ли творить, гдѣ все живетъ мгновенье,
гдѣ гибнетъ красота, измѣнчива любовь,
гдѣ поглотить все холодное Забвенье,
гдѣ въ жерло Вѣчности все возвратится вновь!“

какъ часто вижу я съ тѣхъ поръ въ воспоминаньѣхъ
полчанье грустное, волшебный свѣтъ луны
это горькое и страшное признанье,
сю эту исповѣдь подъ шопоть тишины!

Приходить часъ: дрожать цвѣты предсонные
 И, выдыхая ѳиміамъ, качаются...
 И звуки съ ароматами сплетаются —
 Унылый вальсъ и томность опьяненная.

И, выдыхая ѳиміамъ, качаются...
 Трепещеть скрипка — сердце оскорбленное;
 Унылый вальсъ и томность опьяненная,
 Въ печальномъ небѣ звѣзды загораются.

Трепещеть скрипка — сердце оскорбленное,
 Въ немъ, нѣжномъ, злоба къ пустотѣ рождается...
 Въ печальномъ небѣ звѣзды загораются,
 Заря въ крови, погасло солнце утомленное.

На сердцѣ злоба къ пустотѣ рождается...
 Лишь въ свѣтломъ прошломъ — радости бездонны
 Заря въ крови; погасло солнце утомленное...
 Твой образъ вновь во мнѣ, священный, озаряется.

I.

къ въ комнатѣ простой, въ моемъ мозгу съ
 легкой граціей все бродить чудный коть;
 и заунывно пѣснь чуть слышную поеть;
 о мяуканье и вкрадчиво и нѣжно.

о мурлыканья то внятнѣе звучать,
 удаленнѣе, спокойнѣе, слабѣе;
 ть голосъ звуками глубокими богатъ
 тайно властвуетъ онъ надъ душой моею.

нъ въ нѣдра черныя таинственно проникъ,
 овиснулъ сътью струй, какъ капли, упадаетъ;
 ь нему, какъ къ зелію, устами я приникъ,
 акъ строфы звучныя, онъ грудь переполняетъ,

ои страданія онъ властенъ покорить,
 му дано зажечь блаженные экстазы,
 незначѣмъ ему, чтобъ съ сердцемъ говорить,
 ещѣльныя слова слагать въ пустыя фразы.

отъ голосъ сладостнѣй пѣвучаго смычка,
 и онъ торжественнѣй, чѣмъ звонкихъ струнь
 дрожанье;
 онъ грудь пронзаетъ мнѣ, какъ сладкая тоска,
 недостижимое струя очарованье.

О чудный, странный коть! Кто голосъ твой хоть разъ,
 и твой таинственный напѣвъ хоть разъ услышитъ,
 онъ снизойдетъ въ него, какъ серафима гласъ,
 дѣ все утонченной гармонією дышитъ.

Отъ этой шубки черно-бѣлой
 Исходить тонкій аромать;
 Ея коснувшись, вечеръ цѣлый
 Я благовоніемъ объять.

Какъ нѣкій богъ — быть можетъ, фея —
 Какъ добрый геній здѣшнихъ мѣстъ,
 Всѣмъ управляя, всюду вѣя,
 Онъ наполняетъ все окрестъ.

Когда же снова взгляды влюбленный
 Я устремивъ въ твой взоръ гляжу —
 Его невольно вновь, смущенный
 Я на себя перевожу:

Когда твоихъ зрачковъ опалы,
 Какъ два фонарика, горять,
 И ты во мглѣ въ мой взглядъ усталый
 Свой пристальный вперяешь взглядъ.

Приглашеніе къ путешествію.

Дорогое дитя!
Унесемся, шутя,
Къ жизни новой, далекой, блаженной,
 Чтобъ любить и горѣть
 И, любя, умереть
Въ той странѣ — какъ и ты, совершенной!
 Въ небесахъ влажный лучъ
 Межъ разорванныхъ тучъ
Взоръ таинственно манить, ласкаетъ,
 Какъ измѣной глаза,
 Гдѣ прозрачна слеза,
Гдѣ сквозь слезы улыбка мелькаетъ.

Тамъ Прекраснаго строгая власть,
Безмятежность и роскошь и страсть!

 Тамъ блестить долгихъ лѣтъ
 Вкругъ на мебели слѣдъ,
Нашъ укромный пріютъ украшая;
 Купы рѣдкихъ цвѣтовъ
 Напоятъ нашъ альковъ,
Съ легкой амброй свой запахъ мѣшая.
 Тамъ богатый плафонъ
 Въ зеркалахъ повторень,
Все тамъ дышитъ роскошнымъ Востокомъ,
 И всегда объ одномъ,
 Лишь о миломъ, родномъ
Съ изумленнымъ бесѣдуетъ окомъ!

Тамъ Прекраснаго строгая власть,
Безмятежность и роскошь и страсть.

На каналахъ вдали
Чутко спячь корабли,
Но капризенъ ихъ сонъ безмятежный ;
Захоти — ■ опять
Понесется ихъ рать
За предѣлы вселенной безбрежной.
— Догораеть закатъ,
И лучи золотять
Гиацинтовымъ блескомъ каналы ;
Всюду сонъ, всюду миръ,
Засыпаетъ весь миръ,
Теплымъ свѣтомъ облитый, усталый.

Тамъ Прекраснаго строгая власть,
Безмятежность и роскошь и страсть.

I.

Возможно-ль задушить, осилить угрызенья?
Зъ насъ копошась, они въ ожесточеньѣ
Насъ гложуть, точать насъ, какъ гусеница — дубъ,
Какъ рой червей неугомонныхъ — трупъ.
Возможно-ль задушить, осилить угрызенья?

Какимъ виномъ, струей какого элексира
Безжалостно мы опьянимъ враговъ?
Какъ куртизанки, жадностью вампира
Ни одарены, терпѣньемъ муравьевъ, —
Гдѣ есть струя такого элексира?

кажи, волшебница, повѣдай мнѣ о томъ, —
— раненый среди бойцовъ убитыхъ,
Къ мертвыя тѣла лежать на мнѣ пластомъ,
Въ сердцѣ — боль укоровъ ядовитыхъ, —
Абвенье гдѣ? Повѣдай мнѣ о томъ.

Гдѣ павшимъ вороны кружатся въ нетерпѣньѣ,
А нимъ изъ тьмы слѣдитъ голодный волкъ,
кажи борцу, исполнившему долгъ,
Гдѣ онъ найдетъ и крестъ, и погребенье,
А нимъ изъ сумрака слѣдитъ голодный волкъ.

Взсѣется ли мракъ — зловѣщій, какъ могила?
Взгасли молніи, затмилися свѣтила,
Въ небесахъ — безрадостная мгла,
Глубокая, густая, какъ смола.
Взсѣется ли мракъ — зловѣщій, какъ могила?

Надежда ясная угасла, какъ свѣча
Въ окнѣ гостиницы, ■ путники, влача
Усталыя, израненныя ноги,
Въ стѣнахъ ея не отдохнуть съ дороги.
Надежда ясная угасла, какъ свѣча.

Скажи : тебѣ не жаль подпавшихъ осужденью ?
Безжалостный ты знаешь приговоръ ?
Знакомъ тебѣ отравленный укоръ,
Которому сердца являются мишенью ?
Скажи, тебѣ не жаль подпавшихъ осужденью ?

О, невозвратное ! Я власть твою кляню.
Какъ муравей, закравшись въ глубину,
Упорно, медленно подтачиваетъ зданье —
Подтачиваешь ты намъ душу въ основаньѣ,
О, невозвратное, я власть твою кляню.

II.

На дешевыхъ сценахъ я видалъ, бывало,
Какъ, восторгъ будя въ неопытныхъ сердцахъ,
Въ громѣ флейтъ и скрипокъ фея зажигала
Дивную зарю на адскихъ небесахъ.

Горделивымъ жестомъ властнаго приказа
Прогоняя мракъ съ лазурной вышины,
Существо изъ свѣта, золота и газа
Низвергало въ бездну царство сатаны.

Духъ мой — та же сцена; но людского глаза
Не прельститъ она, одѣта вѣчной мглой:
Тамъ не ждуть прихода феи молодой
Съ крыльями изъ свѣта, золота и газа.

Осень.

Я люблю ваши нѣжно-зеленые глазки;
Но сегодня я горькимъ предчувствіемъ полнъ:
Ни каминъ въ будуарѣ, ни роскошь, ни ласки
Не замѣнятъ мнѣ солнца, лазури и волнъ.

Но каковъ бы ■ ни былъ, какъ мать, пожалѣйте
И простите меня, будьте милой сестрой,
И угрюмага, злого любовью согрѣйте,
Какъ осеннее небо вечерней зарей.

Трудъ недолгій... Я знаю: могила нѣмая
Ждетъ... О, дайте же, дайте подъ желтымъ лучомъ
Сентября золотого про май вспоминая,
Мнѣ на ваши колѣни поникнуть челомъ.

Скажи, душа твоя стремится ли, Агата,
 Порою вырваться изъ тины городской
 Въ то море свѣтлое, гдѣ солнце безъ заката
 Льетъ чистые лучи съ лазури голубой?
 Скажи, душа твоя стремится ли, Агата?

Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!
 Твои немолчныя подъ небомъ пѣснопѣнья
 И вѣтра шумнаго чарующій органъ,
 Быть можетъ, намъ дадутъ отраду усыпленья...
 Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!

О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!
 Здѣсь лужа темная... Я въ даль хочу, туда!
 Отъ горестей и мукъ, неправда ли, Агата,
 Какъ сладко въ тотъ пріютъ умчатся навсегда...
 О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!..

Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая,
 Гдѣ вѣчная любовь и вѣчный аромать,
 Гдѣ можно все и всѣхъ любить, не разбирая,
 Гдѣ дни блаженные невидимо летятъ?
 Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая?

Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,
 Гдѣ пѣсни ■ цвѣты, забавы, игры, ласки,
 Открытая душа, всегда веселый смѣхъ
 И вѣра чистая въ несбыточныя сказки, —
 — Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,

Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами,
 Неужто онъ отъ насъ за тридевять земель,
 И мы не призовемъ его къ себѣ слезами,
 Ничѣмъ не оживимъ умолкшую свирѣль? —
 Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами!

Зѣницей нацѣлясь багровой,
Рядами на черныхъ березахъ,
Какъ идолы, старыя совы
Застыли въ мечтательныхъ позахъ.

И съ мѣста не тронется птица,
Покуда, алѣя, могила
Не приметъ останковъ свѣтила,
И мракъ надъ землей не сгустится.

А людямъ примѣръ ихъ — наука,
Что двигаться лишняя мука,
Что горшее зло — суета,

Что, если гоняться за тѣнью
Кого и заставить мечта,
Безумца караетъ — движенье.

Такъ много у меня въ душѣ воспоминаній,
 Какъ будто я живу столѣтя — не года!
 Бюро, которое повѣстками суда
 И сувенирами, листочками посланій,
 Стихами, счетами долговъ завалено —
 Секретовъ менѣе таить въ себѣ оно,
 Чѣмъ утомленный мозгъ; угрюмый и унылый —
 Громадный мавзолеемъ надъ общею могилой,
 Гдѣ мертвыхъ столько же, какъ въ ней, погребено.

Душой подобенъ я забытому кладбищу,
 Гдѣ черви жадные, отыскивая пищу,
 Какъ совѣсти укоръ, подъ насыпью могилъ
 Терзаютъ трупы тѣхъ, которыхъ я любилъ.
 Я — старый будуаръ; въ стѣнахъ его холодныхъ,
 Среди цвѣтовъ сухихъ, нарядовъ старомодныхъ,
 Благоухаютъ лишь и говорятъ душѣ —
 Рисунки блѣдные безсмертнаго Буше.

Ложатся медленно, какъ хлопья снѣговые,
 Тяжелые года. Подъ гнетомъ этихъ лѣтъ,
 Когда ни радостей, ни любопытства нѣтъ
 И въ сердцахъ замерли вопросы роковые,
 Мгновенья длинными бываютъ, какъ вѣка,
 И равной кажется безсмертію тоска.

Я больше не живу, не чувствую! Отнынѣ
 Я — камень, древній сфинксъ! Онъ міромъ позабытъ
 И лишь съ закатомъ дня, въ безмолвіи пустыни,
 Порою пѣніе изъ устъ его звучитъ.

Подобень я властителямъ тѣхъ странъ,
 Гдѣ — вѣчный дождь, и холодъ, и туманъ.
 Богатъ и нищъ, съ остывшимъ въ сердцѣ жаромъ,
 Годами юнъ, съ недугомъ въ тѣлѣ старомъ,
 Наставниковъ онъ презираетъ лесть,
 И въ ласкахъ псовъ не ищетъ утѣшенья.
 Ничто ему не можетъ развлеченья
 И радости на мигъ одинъ принести:
 Ни кречеты, ни съ гончими охота,
 Ни страхъ людей при видѣ эшафота.
 И пѣсней шутъ владыку веселя
 Не разсмѣшитъ больного короля.
 Богатое подъ балдахиномъ ложе
 Въ глазахъ его на катафалкѣ похоже.
 Знатнѣйшія изъ фрейлинъ не могли —
 Для нихъ всегда прекрасны короли! —
 Привлечь его своею красотою,
 И бѣлыхъ плечъ безстыдной наготою
 Не вызвали въ ходячемъ мертвецѣ
 Подобіе улыбки на лицѣ.
 Алхимики, въ своей необычайной
 Учености, владѣющіе тайной
 Алмазы создавать изъ глины и земли —
 Понять его пороковъ не могли.
 Врачи его, усердіемъ согрѣты,
 Быталися напрасно влить въ него
 Жужую кровь: въ артеріяхъ его
 Течетъ вода холодная изъ Леты.

Когда свинцовый сводъ давящимъ гнетомъ sklepa
 На землю нагнететь, и намъ тянуть не въ мочь
 Тягу постылую, — а день сочится слѣпо
 Сквозь тьму сплошныхъ завѣсъ, мрачнѣй, чѣмъ зла
 ночь;

И мы не на землѣ, ■ въ мокромъ подземельѣ.
 Гдѣ — мышь летучая, осѣтенная мглой, —
 Надежда мечется въ затворѣ душной кельи
 И ударяется о потолокъ гнилой;

Какъ прутья частые одной темничной клѣтки,
 Дождь плотный сторожить невольниковъ тоски,
 И въ помутившемся мозгу сплетаютъ сѣтки
 По сумрачнымъ угламъ сѣдые пауки;

И вдругъ срывается вопль мѣди колокольной
 Подобный жалобно взрыдавшимъ голосамъ,
 Какъ будто сонмъ тѣней, бездомный ■ бездольный,
 О мирѣ возропталъ упорно къ небесамъ;

И дрогъ безъ пѣнія влачится вереница
 Въ душѣ: — вотще тогда Надежда слезы льетъ,
 Какъ знамя черное свое Тоска-царица
 Надъ никнувшимъ челомъ побѣдно разовьетъ.

Лѣса дремучіе, вы мрачны, какъ соборы,
Печаленъ, какъ органъ, вашъ грозный вопль и шумъ,
Въ сердцахъ отверженныхъ, гдѣ вѣченъ трауръ думъ,
Какъ эхо хриплое, чуть внятны ваши хоры.

Проклятый океанъ! въ безбрежной глубинѣ
Мой духъ нашель въ себѣ твоихъ валовъ скаканье;
Твой хохоть яростный и горькое рыданье
Мой смѣхъ, мой скорбный вопль напоминаетъ мнѣ.

Я былъ бы твой, о Ночь! но въ сердце льетъ
волнение
Твоихъ созвѣздій свѣтъ, какъ прежде, съ высоты, —
А я ищю лишь тьмы, я жажду пустоты!

Но тьма — лишь холстъ пустой, гдѣ, полный умиленья,
Я узнаю давно погибшія видѣнья —
Ихъ взгляды нѣжные, ихъ милоя черты!

Пластичностію формъ и граціею смѣлой
 Внушила бѣ зависть ты и самой гордой бѣлой!
 Отъ бархатныхъ очей, горящихъ какъ алмазь,
 Задумчивый артистъ не оторвалъ бы глазъ.
 Цвѣтку лазурныхъ странъ, тебѣ одно знакомо —
 Раскуривать чубукъ для господина дома,
 Изъ шалаша бродягъ-москитовъ прогонять,
 Кувшины звучною водою наполнять
 И по-утру, едва зашелестятъ платаны,
 На рынкѣ покупать фисташки и бананы.
 Босая, ты идешь — куда зоветъ мечта,
 И пѣнемъ цѣлый день, какъ птичка, занята.
 Когда же въ мантии багряной вечеръ сходитъ,
 Цыновку въ уголку постелешь, — и уводитъ
 Незримый духъ тебя въ міръ граціозныхъ сновъ,
 Колибри золотыхъ и рѣзвыхъ мотыльковъ.

— Счастливое дитя! зачѣмъ же край прекрасный
 Покинуть хочешь ты для Франціи несчастной
 И, съ тамариндами родными распротысясь,
 Пуститься въ океанъ, волненій не страшься?
 Подъ хрупкой кисеей, открыта снѣжной вьюгѣ,
 Какъ будешь плакать ты о лучезарномъ югѣ,
 Когда, одѣвши грудь въ безжалостный корсетъ,
 Ты будешь подбирать свой ужинъ и обѣдъ
 На нашихъ мостовыхъ — и тшетно взоромъ жаднымъ
 Искать родимыхъ пальмъ въ туманѣ непроглядномъ.

Непокорный.

Крылатый серафимъ, упавъ съ лазури ясной
Орломъ на грѣшника, схватилъ его, кляня,
Трясетъ за волосы, и говорить: „Несчастный!
„Я — добрый ангелъ твой! Узналъ ли ты меня?

„Ты долженъ всѣхъ любить любовью неизмѣнной:
Злодѣевъ, немощныхъ, глупцовъ и горбуновъ,
Чтобъ милосердіемъ ты могъ соткать смиренно
Торжественный коверъ для Господа шаговъ!

„Пока въ твоей душѣ есть страсти хоть немного,
Зажги свою любовь на пламенникѣ Бога,
Какъ слабый лучъ прильни къ предвѣчному лучу!“

И Ангелъ, грѣшника терзая безпощадно,
Разить несчастнаго своей рукой громадной,
Но отвѣчаетъ тотъ упорно: „Не хочу!“

Паскаль носиль въ душѣ воловоротъ безъ дна.
 -- Все пропасьть алчная: слова, мечты, желанья.
 Мнѣ тайну ужаса открыла тишина,
 И холодъю я отъ чернаго сознанья.

Вверху, внизу, вездѣ, бездонность, глубина,
 Пространство страшное съ отравою молчанья.
 Во тьмѣ моихъ ночей встаетъ уродство сна
 Многообразнаго, — кошмаръ безъ окончанья.

Мнѣ чудится, что ночь — зіяющій проваль,
 И кто въ нее вступиль, тотъ схваченъ темнотою.
 Сквозь каждое окно — бездонность предо мною.

Мой духъ съ восторгомъ бы въ ничтожествѣ пропаль,
 Чтобъ тьмой безчувствія закрыть свои терзанья.
 — А! Никогда не быть внѣ Чисель, внѣ Сознанья!

Задумчивость.

Остынь, моя Печаль, сдержи больной порывъ.
Ты Вечера ждала. Онъ сходить понемногу
И, тѣню тихую столицу осѣнивъ,
Однимъ даруетъ миръ, другимъ несетъ тревогу.

Въ тотъ мигъ, когда толпа развратная идетъ
Вкушать раскаянье подъ плетью Наслажденья,
Пускай, моя Печаль, рука твоя ведетъ
Меня въ задумчивый пріютъ уединенья,

Подальше отъ людей. Съ померкшихъ облаковъ
Я вижу образы утраченныхъ годовъ,
Всплываетъ надъ рѣкой богиня Сожалѣнья,

Отравленный Закатъ подъ аркою горитъ,
И темнымъ саваномъ съ Востока ужъ летитъ
Безгорестная Ночь, предвѣстница забвенья.

Пейзажъ.

Чтобъ цѣломудренно слагать мои эклоги,
 Спать подлѣ неба я хочу, какъ астрологи, —
 Изъ оконъ чердака, подъ мирный лепеть сновъ,
 Гудѣнью важному внимать колоколовъ.
 Тамъ, подперевъ щеку задумчиво рукою,
 Увижу улицу я съ пестрой суетою,
 И мачтъ Парижа — трубъ необозримый лѣсъ,
 И ширь зовущихъ насъ къ безсмертію небесъ.

Отраднo сквозь туманъ слѣдить звѣзды рожденье,
 Въ завѣшенномъ окнѣ лампы появленье,
 И дыма сизаго густыя пелены,
 И чары блѣдныя колдующей луны.
 Тамъ будутъ дни мои неслышно течь за днями...
 Когда-жъ придетъ зима съ докучными снѣгами,
 Всѣ двери, входы всѣ закрою я гостямъ
 И чудные дворцы въ ночи моей создамъ!

И буду грезить я о горизонтахъ синихъ,
 О сказочныхъ садахъ, оазисахъ въ пустыняхъ,
 О поцѣлуяхъ дѣвъ небесной красоты,
 О всемъ, что дѣтскаго бываетъ у мечты.
 Пусть подъ окномъ моимъ мятежъ тогда бушуетъ, —
 Меня онъ за трудомъ любимымъ не взволнуетъ:
 Въ искусство дивное всецѣло погружень —
 По волѣ вызывать весны волшебный сонъ,
 Изъ сердца извлекать я буду волны свѣта,
 Изъ мыслей пламенныхъ — тепло и роскошь лѣта.

Оскорбленная луна.

Луна, моихъ отцовъ безхитростныхъ отрада,
Наперсница мечты, гирляндю цвѣтной
Собравшая вокругъ звѣздъ раболѣпный рой,
О Цинтія моя, ночей моихъ лампада!

Что видишь ты, пlying въ воздушной синевѣ?
Восторги-ль тайные на ложѣ новобрачномъ,
Поэта-ль надъ трудомъ въ его раздумьи мрачномъ,
Иль змѣй, рѣзвящихся на мягкой муравѣ?

Подъ желтымъ домино, царица небосклона,
Спѣшишь ли ты, какъ встарь, ревнуя и любя,
Лобзать увядшія красы Эндиміона?

— „Нѣтъ! я гляжу, какъ грудь, вскормившую тебя,
Сынъ оскудѣлыхъ дней, бѣля и притирая,
Надъ зеркаломъ твоя склонилась мать сѣдая.“

Маленькія старушки.

Посвящено Виктору Гюго.

I.

Въ изгибахъ сумрачныхъ старинныхъ городовъ,
Гдѣ самый ужасъ, все полно очарованья,
Часами цѣлыми подстерегать готовъ
Я эти странныя, но милыя созданья!

Уродцы слабые со сгорбленной спиной
И сморщеннымъ лицомъ, когда то Эпонинамъ,
Лаисамъ и онѣ равнялись красотой...
Полюбимъ ихъ теперь! Подъ ветхимъ кринолиномъ

И рваной юбкою отъ холода дрожа,
На каждый экипажъ косясь пугливымъ взоромъ,
Ползутъ онѣ, въ рукахъ заботливо держа
Завѣтный ридикюль съ поблекнувшимъ узоромъ.

Неровною рысцей безпомощно трусятъ,
Подобно раненымъ волочатся животнымъ;
Какъ куклы съ фокусомъ, прохожаго смѣшать,
Выдѣлывая па движеньемъ безотчетнымъ...

Межъ тѣмъ, глаза у нихъ буравчиковъ острѣй —
Какъ въ ночи лунныя съ водою ямы, свѣтятъ:
Прелестные глаза неопытныхъ дѣтей,
Смѣющихся всему, что яркаго замѣтятъ!

Васъ поражалъ размѣръ и схожій видъ гробовъ
Старушекъ и дѣтей? Какъ много благородства,

Какую тонкую къ изящному любовь
Художникъ мрачный — Смерть вложила въ это
сходство!

Наткнувшись иногда на немощный фантомъ,
Плетущійся въ толпѣ по набережной Сены,
Невольно каждый разъ я думаю о томъ —
Какъ эти хрупкіе, разстроенные члены

Сумѣть гробовщикъ въ свой ящикъ уложить...
И часто мнится мнѣ, что это еле-еле
Живое существо, наскучившее жить,
Бредеть, не торопясь, къ вторичной колыбели...

Рѣкой горючихъ слезъ, потокомъ безъ конца
Прорыты вашихъ глазъ бездонные колодцы,
И прелесть тайную, о милые уродцы,
Находятъ въ нихъ бѣдой вскормлённыя сердца!

II.

Но я... Я въ нихъ влюбленъ! — Мнѣ васъ до боли
жалко,

Садовъ ли Тиволи вы легкой мотылекъ,
Фраскати-ль стараго влюбленная весталка,
Иль жрица Талии, чье имя зналъ раёкъ.

Ахъ! Многія изъ васъ, на днѣ самой печали
Умѣя находить благоуханный медъ,
На крыльяхъ подвига, какъ боги, достигали
Смиренною душой заоблачныхъ высотъ!

Однѣхъ родимый край повергъ въ пучину горя,
Другихъ свирѣпый мужъ скорбями удручилъ,
А третьимъ сердце сынъ-чудовище разбилъ, —
И слезы всѣхъ, увы, составили бы море!

III.

Какъ наблюдать любилъ я за одной изъ васъ!
Въ часы, когда заря вечерняя алѣла
На небѣ, точно кровь изъ ранъ живыхъ сочасъ, —
Въ укромномъ уголку она одна сидѣла

...как слушала богатыи мѣдью громъ
Военной музыки, который наполняетъ
По вечерамъ сады и боевымъ огнемъ
Уснувшія сердца согражданъ зажигаетъ.

Она еще пряма, бодра на видъ была
И жадно пѣснь войны суровую вдыхала:
Глазъ расширялся вдругъ порой, какъ у орла,
Чело изъ мрамора, казалось, лавровъ ждало.

IV.

Такъ вы проходите черезъ хабсь столицъ
Безъ слова жалобы на гнетъ судьбы неправой,
Толпой забытою святыхъ или блудницъ, —
Которыхъ имена когда-то были славой!

Теперь въ людской толпѣ никто не узнаётъ
Въ васъ грацій старины, терявшихъ счетъ побѣдамъ;
Прохожій пьяница къ вамъ съ лаской пристаётъ
Насмѣшливой, гамэнъ за вами скачетъ слѣдомъ.

Стыдясь самихъ себя, вы бродите вдоль стѣнъ,
Пугливы, скорчены, блѣдны, какъ привидѣнья,
Еще при жизни — прахъ, полуостывшій тлѣнъ,
Давно созрѣвшій ужъ для вѣчнаго нетлѣнья!

Но я, мечтатель, — я, привыкшій каждый вашъ
Невѣрный шагъ слѣдить тревожными очами,
Невѣдомый вамъ другъ и добровольный стражъ, —
Я, какъ отецъ дѣтьми, тайкомъ люблюсь вами...

Я вижу вновь разсвѣтъ погибшихъ вашихъ дней,
Неопытныхъ страстей неясныя волненья;
Черезъ вашу чистоту самъ становлюсь свѣтлѣй,
Прощаю и люблю всѣ ваши заблужденья!

Развалины! Мой мѣръ! Свое прости вамъ вслѣдъ
Торжественно я шлю при каждомъ разставаньи.
О. Евы бѣдныя восьмидесяти лѣтъ,
Увидите-ль зари вы завтрашней сіянье?..

Слѣпые.

О созерцай, душа : весь ужасъ жизни тутъ
Разыгранъ куклами, но въ настоящей драмѣ.
Они, какъ блѣдные лунатики, идутъ
И цѣляютъ въ пустоту померкшими шарами.

И странно : впадины, гдѣ искры жизни нѣтъ,
Всегда глядятъ наверхъ, и будто не проронить
Луча небеснаго внимательный лорнетъ,
Иль и раздуміе слѣпцу чела не клонить ?

А мнѣ, когда ихъ та жъ сегодня, что вчера,
Молчанья вѣчнаго печальная сестра,
Нѣмая ночь ведетъ по нашимъ стогнамъ шумнымъ

Съ ихъ похотливою и наглою суетой,
Мнѣ крикнуть хочется — безумному безумнымъ :
„Что можетъ дать, слѣпцы, вамъ этотъ сводъ пустой?„

Среди ученыхъ книжныхъ грудъ,
 Что въ видѣ мумій позабытыхъ,
 Слоями пыли перевитыхъ,
 Въ лавчонкахъ уличныхъ гніютъ,
 Въ глаза бросаются порою,
 Будя толпу печальныхъ думъ
 И поражая вмѣстѣ умъ
 Какой то важной красотою,
 Рисунки странные : скелеть
 Иль остовъ, мускуловъ лишенный,
 Съ лопатой, въ землю погруженной,
 Стоитъ, какъ пахарь древнихъ лѣтъ.

— Колодникъ, взятый у могилы,
 Всегда зловѣщій и нѣмой,
 Скажи : чьей волей роковой
 Ты напрягаешь снова силы
 Давно разбитыхъ позвонковъ ?
 Въ чьей это фермѣ захудалой
 Плодами жатвы небывалой
 Ты закрома набить готовъ ?
 Иль хочешь ты, эмблемой странной
 Пророча всѣмъ одну судьбу,
 Намъ показать, что и въ гробу
 Невѣренъ сонъ обѣтованный ?
 Что все намъ можетъ измѣнить,
 Что даже смерть съ могилой лживы,
 И тамъ, гдѣ смолкнетъ гулъ наживы,
 Увы ! придется, можетъ быть,
 Въ поляхъ невѣдомаго края
 Взрывать намъ дѣвственную новь,
 Ногой, истерзанною въ кровь,
 На край лопаты налегая ? . .

Вечернія сумерки.

Вотъ вечеръ сладостный, всѣхъ преступленій другъ.
Таясь, онъ близится, какъ сообщникъ; вокругъ
Смыкаетъ тихо ночь и завѣсы и двери,
И люди, торопясь, становятся — какъ звѣри!

О вечеръ, милый братъ, твоя желанна тѣнь
Тому, кто могъ сказать, не обманувъ: „Весь день
Работалъ нынче я.“ — Дашь ты утѣшенья
Тому, чей жадный умъ томится отъ мученья; —
Ты, какъ рабочему, бредущему уснуть,
Дашь мыслителю возможность отдохнуть...

Но злые демоны, раскрывъ слѣпые очи,
Проснувшись, какъ дѣльцы, — летаютъ въ сферѣ ночи,
Толкаясь крыльями у ставень и дверей.
И проституція вздымаетъ межъ огней,
Дрожащихъ на вѣтру, свой свѣточъ ядовитый...
Какъ въ муравейникѣ всѣ выходы открыты;
И какъ коварный врагъ, который мраку радъ,
Повсюду тайный путь творить себѣ Развратъ.
Онъ къ груди города припавъ, неутомимо
Ее сосетъ. — Межъ тѣмъ восходятъ клубы дыма
Изъ трубъ надъ кухнями; доносится порой
Театра тявканье, оркестра ревъ глухой.
Въ притонахъ для игры уже давно засѣли
Во фракахъ шулера, среди ночныхъ камелій...
И скоро въ темнотѣ обыкновенный воръ
Пойдетъ на промыслъ свой — ломать замки конторъ,
И кассы раскрывать, — чтобъ можно было снова
Своей любовницѣ дать щегольнуть обновой.

Замри, моя душа, въ тяжелый этотъ часъ!
Весь этотъ дикій бредъ пусть не дойдетъ до насъ!
То—часъ, когда больныхъ томительнѣе муки;
Береть за горло ихъ глухая ночь; разлуки
Со всѣмъ, что въ мірѣ есть, приходитъ череда.
Больницы полнятся ихъ столами. — О да!
Не всѣмъ имъ суждено и завтра встрѣтить взглядомъ
Благоуханный супъ, съ своей подругой рядомъ!

А, впрочемъ, многіе вовѣки, можетъ быть,
Не знали очага, не начинали жить.

Парижскій сонъ.

Конст. Гюису.

I.

Пейзажъ чудовишно-картинный
Мой духъ сегодня взволновальъ ;
Клянусь, взоръ смертный ни единый
Донинѣ онъ не чаровальъ !

Мой сонъ исполненъ былъ видѣній,
Неописуемыхъ чудесъ . . .
Въ немъ мѣръ измѣнчивыхъ растений
По прихоти мечты исчезъ ;

Художникъ, въ геній свой влюбленный —
Я прихотливо сочетальъ
Въ одной картинѣ монотонной
Лишь воду, мраморъ и металлъ ;

Дворцы, ступени и аркады
Въ немъ вознеслись, какъ Вавилонъ,
Въ немъ низвергались ницъ каскады
На золото со всѣхъ сторонъ ;

Какъ тяжкій занавѣсъ хрустальный,
Омывъ широкихъ стѣнъ металлъ,
Въ немъ ослѣпительно-кристальный
Строй водопадовъ ниспадалъ.

Тамъ, какъ аллеи, колоннады
Тянулись вокругъ нѣмыхъ озеръ
Куда гигантскія наяды
Свой женственный вперяли взоръ.

И берегъ розово-зеленый,
И голубая скатерть водъ

До грани міра отдаленной
Простерлись, уходя впередъ !

Сковавъ невиданныя скалы,
Тамъ пологъ мертвыхъ льдовъ сверкаль,
Исполненъ силой небывалой,
Какъ глубь магическихъ зеркаль ;

Тамъ Ганги съ высоты надзвѣздной,
Безмолвно восхищая взоръ,
Излили надъ алмазной бездной
Сокровища своихъ амфоръ !

Я — зодчій сказочнаго міра —
Тотъ океанъ порабошаль
И море въ арки изъ сапфира
Упорствомъ воли возвращаль.

Вокругъ все искрилось, блистало,
Переливался черный цвѣтъ,
И льды оправою кристала
Удвоили свой пышный свѣтъ.

Въ дали небесъ не загорались
Ни лучъ свѣтила, ни звѣзда,
Но страннымъ блескомъ озарялись
Чудовищныя горы льда !

А надо всѣмъ, огнемъ экстаза
Сжигая духъ смятенный мой,
Витало, внятно лишь для глаза,
Молчанье Вѣчности самой !

II.

Когда же вновь я сталъ собою,
Открывъ еще пылавшій взоръ,
Я схваченъ былъ заботъ гурьбою.
Я видѣлъ вокругъ одинъ позоръ.

Какъ звонъ суровый, погребальный,
Нежданно полдень прозвучаль ;
Надъ коснымъ міромъ сводъ печальный
Безцвѣтный сумракъ источаль.

Вино тряпичниковъ.

При свѣтѣ краснаго, слѣпого фонаря,
Гдѣ пламя движется отъ вѣтра, чуть горя,
Въ предмѣстьѣ города, гдѣ въ лабиринтѣ сложномъ
Кишатъ толпы людей въ предчувствіи тревожномъ,

Тряпичникъ шествуетъ, качая головой,
На стѣну, какъ поэтъ. путь направляя свой ;
Тускай вокругъ снуютъ въ ночныхъ тѣняхъ шпіоны,
Онъ полонъ планами ; онъ мудрые законы

Диктуетъ царственно, онъ рѣчи говоритъ ;
Любовь къ поверженнымъ, гнѣвъ къ сильнымъ въ
немъ горить :
Какъ подъ шатромъ небесъ онъ, радостный и бравый
Проходитъ, упоенъ своей великой славой.

Вы, уставшіе отъ горя и трудовъ,
Вы спины сгорблены подъ бременемъ годовъ
Грудою тряпья, чья грудь въ изнеможеньѣ —
Вы, огромнаго Парижа изверженъе !

Где лежитъ вашъ путь ? — Вокругъ — пары вина ;
Къ поблѣвшая въ сраженьяхъ сѣдина,
Къ пышные усы повисли, какъ знамена :
Въ чюдятся цвѣты и арки и колонны,

Крики радости, покрытые трубой,
Трепетъ солнечный и барабанный бой,

Ревъ оглушительный и блескъ слѣпящій оргій, —
Въ честь побѣдителей народные восторги.

Такъ катитъ золото среди толпы людей
Вино, какъ сладостный Пактолъ, волной своей;
Вино, уста людей тебѣ возносять клики,
И ими правишь ты, какъ щедрые владыки.

Чтобъ усыпить тоску, чтобъ скуку утолить,
Чтобъ въ грудь отверженца лучъ радости пролить,
Богъ создалъ сонъ; Вино ты, человекъ, прибавилъ
И сына Солнца въ немъ священнаго прославилъ!

Амуръ и черепъ.

Старинная виньетка.

На черепъ людской преспокойно
Взобрался Амуръ, какъ на тронъ,
Смѣется, какъ шутъ, непристойно,
Смѣется такъ весело онъ.

И ртомъ своимъ онъ выдуваетъ
Рой мыльныхъ шаровъ-пузырей:
Онъ словно міры умножаетъ
Веселой игрою своей...

Блестящій и яркій взлетаетъ
Рой мыльныхъ шаровъ, и потомъ,
Вдругъ лопнувъ, какъ сонъ исчезаетъ...
И мчится такъ шаръ за шаромъ.

И слышу я: черепъ томится
При каждомъ полетѣ шара:
„Когда жъ наконецъ прекратится
Нелѣпая эта игра?!

Жестокій убійца не знаетъ —
Все, что выдуваетъ онъ вновь,
Все, что онъ на воздухъ пускаетъ, —
Мой мозгъ это, тѣло и кровь!“

Авель и Каинъ.

Авеля дѣти, дремлите, питайтесь,
Богъ на васъ смотритъ съ улыбкой во взорѣ.

Каина дѣти, въ грязи пресмыкайтесь,
И умирайте въ несчастьи, въ позорѣ!

Авеля дѣти, отъ васъ всесожженья
Къ небу возносятся прямо и смѣло;

Каина дѣти, ■ ваши мученья
Будутъ ли длиться всегда, безъ предѣла?

Авеля дѣти, все сдѣлано, чтобы
Въ вашихъ поляхъ были тучными злаки.

Каина дѣти, а ваши утробы
Стонуть отъ голода словно собаки.

Авеля дѣти, подъ ласковымъ кровомъ
Вамъ ■ въ холодную зиму не хуже!

Каина дѣти, подъ вѣтромъ суровымъ
Въ вашихъ пещерахъ дрожать вамъ отъ стужи!

Авеля дѣти, любите, плодитесь,
Пусть васъ замѣняютъ дѣтей вашихъ дѣти.

Каина дѣти, любить берегитесь,
Бѣдныхъ и такъ ужъ довольно на свѣтѣ!

Авеля дѣти, васъ много, васъ много,
Словно лѣсные клопы вы безъ счета!

Каина дѣти, проклятой дорогой
Жалко влачитесь съ тоской и заботой!

II.

Авеля дѣти! но вскорѣ! но вскорѣ!
Прахомъ своимъ вы удобрите поле!

Каина дѣти! кончается горе,
Время настало, чтобъ быть вамъ на волѣ!

Авеля дѣти! теперь берегитесь!
Зовъ на послѣднюю битву я внемлю!

Каина дѣти! на небо взберитесь!
Сбросьте неправого Бога на землю!

Смерть влюбленныхъ.

Постели, нѣжныя отъ ласки аромата,
Какъ жадные гроба, раскроются для насъ,
И странные цвѣты, дышавшіе когда-то
Подъ блескомъ лучшихъ дней, вздохнуть въ послѣдній
[разъ.

Остатокъ жизни ихъ, почуявъ смертный часъ,
Два факела зажжетъ, огромная свѣтила,
Сердца созвучныя, заплакавъ, сблизятъ насъ,
Два братскихъ зеркала, гдѣ прошлое почило.

Въ вечернемъ таинствѣ, воздушно-голубомъ,
Мы обмѣняемся единственнымъ лучомъ,
Прощально-пристальнымъ и долгимъ, какъ рыданье.

И Ангелъ, дверь позднѣй полуоткрывъ, придетъ,
И, вѣрный, оживить, и, радостный, зажжетъ
Два тусклыхъ зеркала, два мертвыя сіянья.

Смерть бѣдняковъ.

Какъ теплый лучъ надежды сладкой,
Она съ лишеньями мирить ;
Душа страдаетъ и болитъ —
Она ей сонъ сулитъ украдкой.

Блестить сквозь волны темноты,
Сквозь иней, снѣгъ и холодъ зимній
И шепчетъ дѣтямъ нищеты,
Что близокъ кровъ гостепріимный.

Тамъ Ангелъ щедрою рукой
Всего имъ дастъ : очагъ, покой
И груди яствъ, — вина и хлѣба . . .

Постелеть ложе изъ цвѣтовъ,
Откроетъ даръ волшебныхъ сновъ
И всѣ ключи вручить отъ неба !

ОГЛАВЛЕНІЕ

въ алфавитномъ порядкѣ названій.

	Стр.
Авель и Каинъ. <i>В. Брюсова</i>	64
Альбатросъ. <i>Д. Мережковскаго</i>	8
Амуръ и черепъ. <i>А. Панова</i>	63
Балконъ. <i>К. Бальмонта</i>	28
Благословеніе. <i>П. Я.</i>	5
Вампиръ. <i>П. Я.</i>	27
Вечернія сумерки. <i>В. Брюсова.</i>	57
Вино тряпичниковъ. <i>Эллиса.</i>	61
Гармонія вечера. <i>В. Израццова</i>	32
Гигантша. <i>К. Бальмонта</i>	20
Гимнъ красотѣ. <i>Эллиса</i>	21
Донъ-Жуанъ въ аду. <i>П. Я.</i>	18
Задумчивость. <i>С. Андреевскаго</i>	49
Змѣиный танецъ. <i>В. Израццова</i>	23
Искупленіе. <i>Ник. Т—о</i>	29
Коть. <i>Эллиса</i>	33
Красота. <i>В. Брюсова</i>	19
Къ малабаркѣ. <i>П. Я.</i>	46
Маленькія старушки. <i>П. Я.</i>	52
Маяки. <i>Вячесл. Иванова.</i>	12
Moesta et errabunda. <i>С. Андреевскаго</i>	40
Неотвязное. <i>Эллиса.</i>	45
Непокорный. <i>В. Брюсова.</i>	47
Осень. <i>Д. Мережковскаго</i>	39
Оскорбленная луна. <i>П. Я.</i>	51
Падалъ. <i>П. Я.</i>	25
Парижскій сонъ. <i>Эллиса</i>	59
Пейзажъ. <i>П. Я.</i>	50

	Стр.
Плохой монахъ. <i>Эллиса</i>	15
Полетъ. <i>Эллиса</i>	9
Предсуществованіе. <i>Вячесл. Иванова</i>	16
Приглашеніе къ путешествію. <i>Эллиса</i>	35
Признаніе. <i>Эллиса</i>	30
Продажная муза. <i>Эллиса</i>	14
Пропасть. <i>К. Бальмонта</i>	48
Скелетъ-земледѣлецъ. <i>П. Я.</i>	56
Слѣпые. <i>Ник. Т—о.</i>	55
Смерть бѣдняковъ. <i>П. Я.</i>	66
Смерть влюбленныхъ. <i>К. Бальмонта</i>	66
Совы. <i>Ник. Т—о.</i>	41
Соотвѣтствіе. <i>П. Я.</i>	10
Сплинь. <i>Вячесл. Иванова</i>	44
Сплинь. <i>О. Чюминой</i>	43
Тоска. <i>О. Чюминой</i>	42
Угрызенія. <i>О. Чюминой</i>	37
Человѣкъ и море. <i>О. Чюминой</i>	17
Экзотическій аромать. <i>Эллиса</i>	22
Я мысленно живу прошедшими вѣками. <i>П. Я.</i>	11

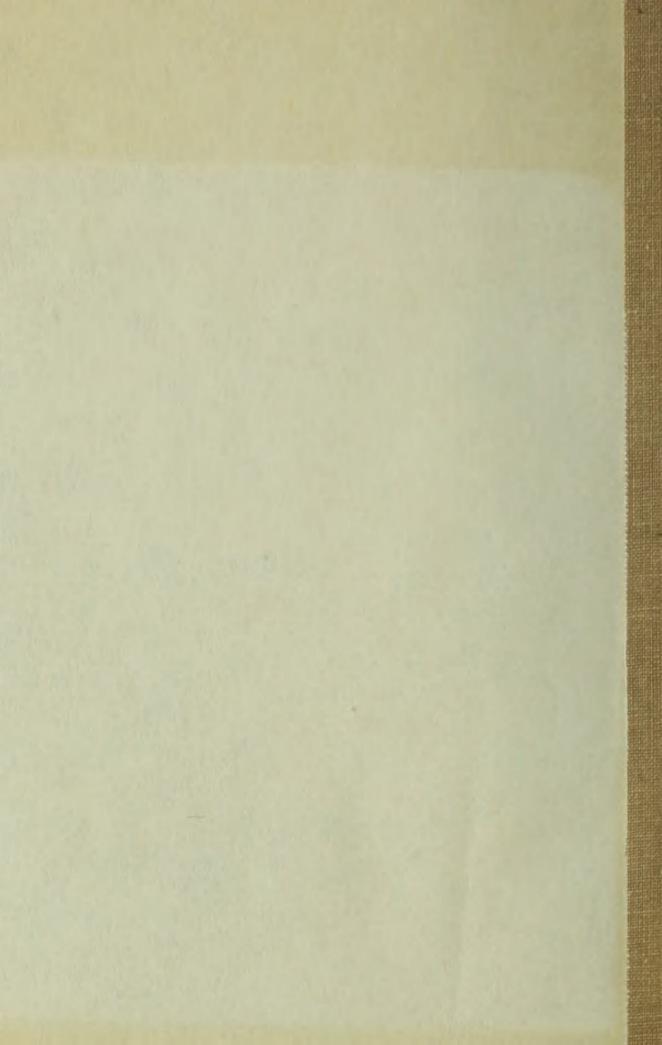
Цѣна 2 р.

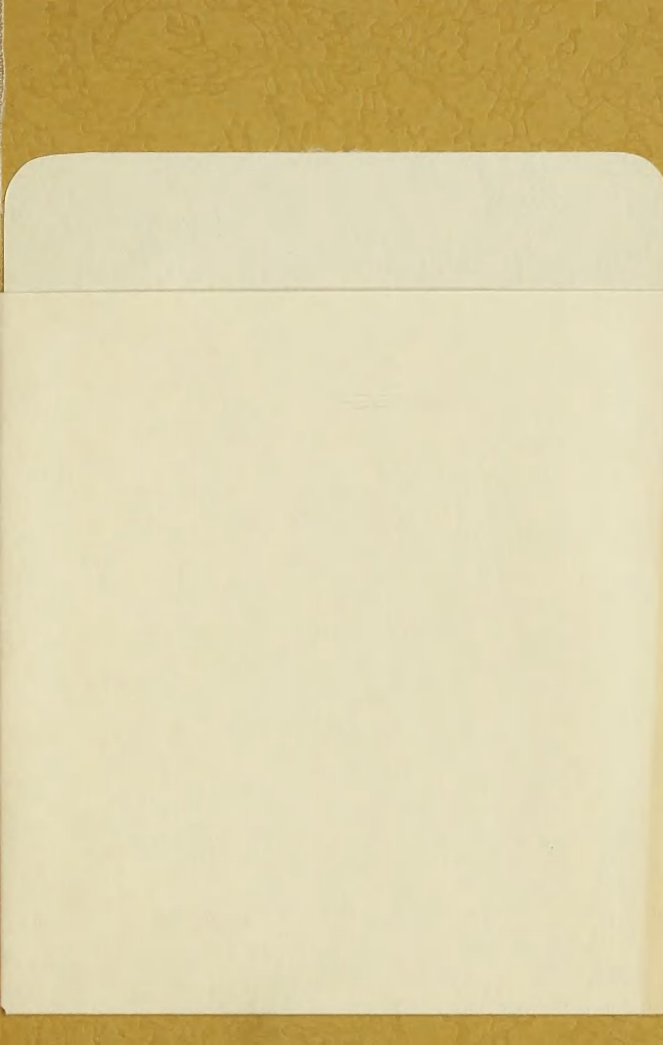
СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Центральное Товарищество „КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“

Петроградъ, Стремянная 6, тел. 86-20.

Москва, Б. Дмитровка 26, тел. 4-49-50.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Tsviety zia : izbraniia stikho
841.79 B338FMT

D90302758Y